

Диакон Михаил Желтов

ИСТОРИКО-ЛИТУРГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ САКРАМЕНТОЛОГИИ

Свой доклад, который, подчеркну, посвящен не литургии как таковой, а литургическим аспектам сакраментологии как составной части догматики, я хотел бы начать со следующего вопроса: полезна ли историческая литургия, основу которой составляет источниковедческое, по сути, исследование литургических памятников, сакраментологии как разделу церковного богословия? Несомненно, полезна, и связано это с особенностями самой православной сакраментологии.

Во-первых, православная сакраментология – далеко не столь ясно догматизированная (если смотреть с точки зрения наличия четко сформулированных соборных определений и постановлений) область богословия, как, скажем, триадология или христорология; более того, она касается настолько таинственных областей церковной жизни – на что указывает уже само слово «таинство», – что древние отцы и церковные писатели нередко избегали подробного раскрытия ее содержания. Недаром в византийской и затем древнерусской традиции основным методом изъяснения богослужения стал символический метод, который уходит от догматических аспектов осмысления таинств Церкви, предпочитая довольствоваться языком символов и образов¹. Поэтому источниковая база, на которой обычно и строится догматическая система, – а именно сокровищница Священного Писания и творений Святых отцов – в случае сакраментологии обязательно должна усиливаться памятниками литургическими, причем среди этих памятников могут присутствовать не только те

---

¹ См.: *Bornert R. Les commentaires byzantins de la Divine Liturgie du VIIe au XVe siècle. P. 1966.* В настоящее время готовится к публикации русский перевод книги.

тексты, которые сейчас находятся в церковном обращении, но также и те, которые когда-то Церковью употреблялись, а потом по разным причинам перестали звучать за богослужением в храме². Прежде всего это касается текстов самих чинопоследований таинств. Ведь именно эти тексты, как не раз подчеркивал прот. А. Шмеман, и даются в опыте церковной жизни в качестве изначального осмысления таинств, которое предшествует всякому богословскому дискурсу и выражает самую суть сакраментологического учения Православной Церкви. К сожалению, в традиционных догматических курсах разделы о богословии таинств, как правило, лишь в малой степени учитывают материал собственно литургических памятников. В совершенно особой степени сказанное относится к вопросу о богословии таинств в ранней Церкви – вопросу ключевому для православной сакраментологии. Таким образом, историческая литургика, изучающая корпус церковных литургических источников как раннехристианской, так и последующих эпох и разработавшая обширный инструментарий для их анализа, может дать очень важный материал для расширения и углубления догматических построений в области сакраментологии, в том числе в тех вопросах, для которых свидетельства Священного Писания или Святых отцов не вполне достаточны.

Во-вторых – и это не менее (если не более) важно, – историческая литургика важна для сакраментологии по причине того, что чинопоследования таинств (как и православные богослужebные чины вообще) весьма сложны по своей структуре, и интерпретация содержания тех или иных частей этих чинопоследований часто бывает не так уж самоочевидна. Эту мысль следует проиллюстрировать следующим примером. В современной практике некоторых западных конфессий богослужение устроено так, что оно формальным образом выражает те богословские идеи, которые обозначены в пространных исповеданиях веры этих конфессий; иными словами, богослужение при помощи минималистичной и понятной всем молящимся схемы выражает те вероисповедные моменты, какие эта конфессия считает

---

² В отношении вторых могут возникать вопросы об их богословской адекватности, но историческая литургика в состоянии дать на них ответы.

своими – не больше и не меньше. Для богословского анализа такого богослужения историческая литургика не очень-то и нужна – богослужение специально построено так, чтобы быть понятным без каких-либо дополнительных объяснений. Но православное богослужение, формировавшееся веками, далеко превосходит идею простой и лаконичной схемы.

Всякому, кто не знаком с церковной жизнью или только начинает с ней знакомиться, православное богослужение кажется непонятным, сложным, таинственным³. Но богослужение нередко остается малопонятным и для людей, проводивших в Церкви многие годы (и порой даже для священнослужителей). Строжайшее знание устава служб и подробнейшее знакомство с тонкими особенностями различных чинопоследований⁴ далеко не всегда сопровождается знанием того, почему устав именно такой, какой он есть, и что стоит за теми или иными его предписаниями. И чудесная красота, и одновременно сложность нашего богослужения обязаны своим происхождением тому, что византийское богослужение складывалось веками и в его сокровищнице сложились вместе традиции самых разных эпох истории Церкви – так что за раннехристианским гимном времен мужей-апологетов может сразу следовать песнопение, написанное в синодальный период, а обряд, заимствованный из византийского придворного церемониала, может сочетаться с традицией межзаветного происхождения. Но во все времена и во все эпохи только богослужение было и продолжает оставаться главным свидетельством содержания православной сакраментологии, каковое выражается в нем не на языке формальных вероопределений, а на языке знаков, обрядов, священных текстов. Проблема же состоит в том, что этот язык менялся – так что то, что когда-то было понятным всем жестом (например, поднятие руки), со сменой общекультурной парадигмы перестает быть таковым и, сохраняясь в богослужении, становится одним из элементов богослужебного чина, который совершается

---

³ Причем одних это может притягивать, а других – наоборот.

⁴ Что, подчеркну, само по себе заслуживает всяческого уважения, а для священнослужителей и вовсе необходимо.

просто потому, что «так положено». И чтобы теперь узнать, почему «положено *так* [а не иначе]», нам придется обратиться к истории чина – только это поможет выяснить, каково было значение того или иного знака в Церкви в ту эпоху, когда он вошел в богослужение, и понять непростой литургический язык, указывающий на стоящую за ним реальность. Поэтому во многих случаях только историческая литургика может дать такой ключ, которым удастся отпирать «тайно-замкненные знамена» православной литургической традиции, а это неопределимо для сакраментологии, которая не имеет права отрываться от реальных церковных служб.

Итак, историческая литургика – наряду с библейским и свято-отеческим богословием – должна составлять одну из главных опор для построения сакраментологии как раздела христианского богословия. Что же уже было сделано в области этой церковной науки?

Развитие исторической литургики как науки применительно к византийскому (т.е. православному) богослужению началось в XVII веке. Первые шаги в этом направлении были сделаны западными авторами – Жаком Гоаром⁵, Жаном Мореном и др. Уже в том же XVII веке их труды были замечены в России: так, Евфимий Чудовской, знаменитый справщик московского Печатного двора⁶, перевел с латыни на церковнославянский комментарии Гоара к его знаменитому «Евхологии...»⁷; эти же комментарии впоследствии станут основным (и практически единственным) источником для донныне переиздаваемой «Новой Скрижали» архиеп. Вениамина (Румовского-Краснопевкова).

---

⁵ Который, следует заметить, в значительной степени опирался на толкования свт. Симеона Солунского.

⁶ Кому мы обязаны целым рядом принятых ныне в Русской и других славянских Церквях переводов богослужебных текстов, а также такими сочинениями, как «Учительное известие» при славянском Служебнике. См. о нем: *Исаченко-Лисовая Т. А.* Евфимий, келарь Чудова монастыря // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 287–296; *Strakhov[a] O. B.* The Reception of Byzantine and Post-Byzantine Culture and Literature in Muscovite Rus': The Case of Evfimii Chudovskii (1620s[?]-1705). Diss.: Brown University, 1996.

⁷ Автографы перевода Евфимия донныне хранятся в Синодальной библиотеке в ГИМе.

Но настоящий расцвет научное исследование византийского, славянского и грузинского богослужения пережило в России во второй половине XIX – начале XX века. Трудami таких ученых, как еп. Амфилохий (Сергиевский-Казанцев), Александр Иванович Алмазов, Александр Петрович Голубцов, Алексей Афанасьевич Дмитриевский, Иван Алексеевич Карабинов, Николай Фомич Красносельцев, Иван Данилович Мансветов, Сергей Дмитриевич Муретов, Михаил Николаевич Скабалланович, Полихроний Агапиевич Сырку, Борис Александрович Тураев, прот. Константин Никольский, прот. Александр Петровский, прот. Корнелий Кекелидзе, и других⁸, православная историческая литургика поднялась на огромную высоту. Было издано множество ценнейших текстов, в том числе и прямо относящихся к вопросу о богословии таинств в древней Церкви (например, найденный и впервые изданный А. А. Дмитриевским Евхологий Сарапiona Тмуитского⁹). Всего за несколько десятилетий историческая литургика из малоразвитого раздела церковной археологии стала тогда глубокой и серьезной наукой, мощным инструментом, ценным самим по себе, но также применимым и для решения проблем в областях истории и богословия.

В частности, если вернуться к вопросу о литургических аспектах сакраментологии, т.е. о сугубо богословском использовании достижений литургики, то необходимо отметить такие работы русских дореволюционных ученых, как:

- по таинствам Крещения и Миропомазания: монографию А. И. Алмазова «История чинопоследований Крещения и Миропомазания» (Казань, 1884);

- по таинству Евхаристии: книги С. Д. Муретова «Исторический обзор чинопоследования проскомидии до “Устава литургии” Кон-

---

⁸ Многие из их работ доступны в сети Интернет по адресу: <http://mzh.mrezha.ru/books.htm>

⁹ *Дмитриевский* А. А. Евхологон IV в. Сарапiona, епископа Тмуитского. К., 1894. [Отдельный оттиск из журнала «Труды Киевской Духовной Академии», № 2 за 1894 г.] См. также новейшую работу: *Johnson M.* The Prayers of Sarapion of Thmuis: A Literary, Liturgical, and Theological Analysis. R., 1995. (Orientalia Christiana Analecta; 249).

стантинопольского Патриарха Филофея: Опыт историко-литургического исследования» (Москва, 1895), И. А. Карабинова «Евхаристическая молитва (анафора): Опыт историко-литургического анализа» (Санкт-Петербург, 1908) и А. П. Голубцова «Из чтений по церковной археологии и литургике: Литургика» (изд. И. А. Голубцов – Сергиев Посад, 1918);

- по таинству Священства: работы А. А. Дмитриевского «Ставленник...» (Киев, 1904) и А. З. Неселовского «Чины хиротесий и хиротоний: Опыт историко-археологического исследования» (Каменец-Подольский, 1906);

- по таинству Покаяния: трехтомник А. И. Алмазова «Тайная исповедь в Православной восточной Церкви: Опыт внешней истории (Исследование преимущественно по рукописям)» (Одесса, 1894);

- по таинству Елеосвящения – монографию иером. (впосл. архиеп.) Венедикта (Алентова) «К истории православного богослужения: Историко-литургическое и археологическое исследование о чине таинства Елеосвящения» (Сергиев Посад, 1917);

- по сакраментологии в целом: исследование А. Л. Катанского «Догматическое учение о семи церковных таинствах в творениях древнейших отцов и писателей Церкви до Оригена включительно» (Санкт-Петербург, 1877);

- по традиции символических толкований богослужения – работу Н. Ф. Красносельцева «О древних литургических толкованиях» (Одесса, 1894);

- и это не говоря уже о целом ряде отдельных статей упомянутых и других авторов.

Революция 1917 года трагически остановила развитие литургической науки в России. Некоторые из упомянутых выше авторов подверглись репрессиям – так, архиеп. Венедикт (Алентов) и профессор СПбДА И. А. Карабинов были расстреляны большевиками; другие были вынуждены прекратить свои научные занятия или не имели возможности публиковать свои труды (как А. А. Дмитриевский, написавший после революции две монографии и подготовивший к печати последний том своего знаменитого «Описания литургических

рукописей»¹⁰ – все эти работы так и не увидели свет вплоть до настоящего времени). В советское время в России на литургические темы могли писать лишь немногие, как, например, профессор ЛДА Николай Дмитриевич Успенский.

В течение большей части XX века даже в православном мире в целом не трудилось такое число крупных литургистов, как в России в предреволюционные десятилетия. Среди православных литургистов XX века необходимо, разумеется, отметить таких авторов, как греческие исследователи Панайот Трембелас и Иоанн Фундулис; сербский ученый прот. Лазарь Миркович; представители «парижской школы» богословия архим. Киприан (Керн) и прот. Александр Шмеман. Но все же основные научные достижения в области исторической литургии в XX веке принадлежат западным ученым. В частности, для исследования византийского богослужения и богословия таинств многое было сделано Иоанном Ханссеном, Мартеном Жюжи, Рене Борнером, Ханс-Иоахимом Шульцем, а особенно Хуаном Матесом, его последователями Мигелем Арранцем и Робертом Тафтом и их многочисленными учениками. Поэтому особенно отрадно видеть среди присутствующих здесь как самого Роберта Тафта, профессора Папского Восточного института, так и его бывших студентов Стефано Паренти, Елену Велковску, профессоров итальянских университетов, и священника Александра Рентеля, профессора Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке, – равно как и многих других замечательных западных ученых, согласившихся принять участие в настоящей конференции.

Но помимо исследования византийского богослужения в XX веке был сделан настоящий прорыв в области исследования богословия и богослужения ранней Церкви¹¹. Древнейший литургико-канонический памятник, «Дидахе», обнаруженный еще в XIX веке архим. Антонином (Капустиным) и впервые изданный митр. Нико-

---

¹⁰ См.: *Арранц М. А. А. Дмитриевский: Из рукописного наследия // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 120–133.*

¹¹ Прекрасные обобщения (равно как и исследования) соответствующей проблематики можно найти в работах Пола Брэдшоу.

мидийским Филофеем (Вриеннием), был всесторонне изучен только в XX веке¹². Очень далеко продвинулось исследование других литургико-канонических памятников: так называемого «Апостольского предания», «Апостольских постановлений», «Завета Господа нашего Иисуса Христа». Один из крупнейших специалистов в этой области – проф. Марсель Мецгер, которого следует сердечно поблагодарить за готовность приехать в Москву и принять участие в работе настоящей конференции. В XX веке также стала ясна огромная ценность для исторической литургики таких источников, как так называемые межзаветные и раннехристианские апокрифы. Среди наиболее авторитетных исследователей этой группы памятников с литургической точки зрения – проф. Себастьян Брок, приславший свой доклад для настоящей конференции, и присутствующая здесь проф. Габриэла Винклер (следует отметить, что интересы обоих исследователей далеко не ограничиваются темой свидетельств о христианском богослужении в апокрифах). Еще одно важное направление для раннехристианской литургики – изучение различных практик и их осмысления в различных течениях иудаизма эпохи Второго Храма и исследование вопроса об их связи с богослужением апостольского времени и его богословием. Большое значение для раннехристианской литургики также имеет современная библеистика.

Как уже было отмечено выше, работа над этими темами крайне важна не только для литургики как таковой, но и для сакраментологии, так как богословие таинств в ранней Церкви является тем основанием, на котором стоит вся последующая сакраментология. В качестве примера того, как историческое исследование раннего христианства способно повлиять на догматическое богословие, можно привести проблему богословского осмысления Крещения в древней Церкви (одна из самых обстоятельных современных монографий на эту тему принадлежит присутствующему здесь проф. Максвеллу Джонсону; этим вопросом также занимались проф. Поль де Клерк, Ханс-Юрген Фойльнер, Габриэла Винклер, Мерья Меррас – всех их следует отдель-

---

¹² См. обзор и подробную библиографию в статье: Ткаченко А. А. «Дидахе» // Православная энциклопедия. Москва, 2007. Т. 14. С. 666–675.

но поблагодарить за участие в работе настоящей конференции), принципиальную для богословской интерпретации таинств Крещения и Миропомазания; или проблему происхождения евхаристической анафоры (наиболее полные и актуальные на сегодня монографии на эту тему принадлежат присутствующим здесь проф. Чезаре Джераудо, Энрико Мацца, Брайану Спинксу) – ключевую для вопроса о богословии освящения евхаристических Даров.

Возвращаясь к литургике более позднего времени, можно отметить, что и здесь исследование богослужебных текстов и чинопоследований может принести пользу богословию таинств. Стоит указать на такие вопросы, как: взаимосвязь сакраментологии и средневековых литургических толкований (из присутствующих здесь ученых разработкой этого вопроса много занимался проф. Даниил Финдикян, недавно опубликовавший обширное исследование об армянском литургическом комментарии еп. Стефана Сивнеци; византийскому измерению темы будет посвящен доклад декана Свято-Сергиевского института в Париже проф. архим. Иова (Гечу)); богословские аспекты чина литургии Преждеосвященных Даров – в первую очередь, вопрос об освящении Чаши во время этой литургии, – о которых некогда писали в своих статьях уже упоминавшиеся выше проф. И.А. Карабинов и Н.Д. Успенский и которым посвящена новейшая монография принимающего участие в настоящей конференции проф. свящ. Стефана Алексопулоса; богословское содержание гимнографических произведений, многие из которых являются не менее авторитетным источником для богослова, чем святоотеческие прозаические творения (один из наиболее современных авторитетных исследователей в этой области, проф. Шарль Рену, не смог, к сожалению, прибыть в Москву для участия в конференции, но тем не менее представил для нее текст своего доклада); и т.д.

Наконец, нельзя не отметить, что среди участников настоящей конференции есть и отечественные литургисты: проф. А. М. Пентковский, свящ. Владимир Хулап, А. А. Ткаченко и другие – это доказывает, что, несмотря на многолетние гонения, литургика как наука не умерла в России. Также необходимо приветствовать участие в конференции заслуженных российских специалистов по смежным

специальностям: профессоров Б. А. Успенского и В. М. Живова, доцентов А. И. Шмаину-Великанову и А. Ю. Виноградова и многих других – без привлечения методов и данных этих специальностей ни литургики, ни даже богословие не могут развиваться в полной мере. Нет никаких сомнений в том, что сотрудничество богословов и литургистов, историков и филологов в ходе Международной богословской конференции «Православное учение о церковных Таинствах» обязательно принесет плоды.